

от 7 8 ДЕК . 1970
Газета №

г. Новосибирск

тип. ММФ 2309

НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Г. ИВАНОВА

..Итак, состоялась еще одна сибирская музыкальная премьера: по телевидению впервые прозвучали «Сибирские вечера» Георгия Иванова. Как определил жанр своего произведения сам автор, это «оратория-посиделки». Здесь своеобразно отразились основные черты творческого почерка композитора: народнопесенный склад его музыкальной речи, в которой явственно слышны интонации сибирского фольклора, тяготение к ярким, по-театральному рельефным музыкальным образам, умение сочетать в них острую комедийность и тонкий лиризм. В новом произведении, как и в опере «Алкина песня», и в опереттах «У моря Обско-го», «Рябина красная», Иванов ищет пути обновления языка музыкального театра, а вместе с тем и свое слово в нем.

Внешне «Сибирские вечера» как будто напоминают докально-симфоническую сюиту, где чередуются лирические и танцевальные песни с музыкально-драматическими сценками. Однако в самом этом чередовании, в тех смысловых и образных переключках, которые возникают между частя-

ми - песнями и частями - сценками, возникает единая сквозная линия — идейная и драматургическая, раскрывающая смысл произведения: труд и забава, радость, горе, любовь живут бок о бок, они нераздельны — и в этом полнота жизни.

Может быть, отсюда и необычное название сочинения. Внешне — типичные посиделки, с любовным томлением и остроловной перебранкой, внутренне — глубокие думы о смысле жизни.

Частушечно - песенные части (первая — «Лирическая», вторая — «Пахал Ваньша», четвертая — «По Барабинским степям», шестая — «Частушки») заставляют вспомнить многие страницы советской музыки последнего десятилетия, в которых народная песня, частушка как бы обрели новую жизнь. Используя народные тексты, многие композиторы (москвичи Шедрин и Свиридов, ленинградцы Гаврилин, Слонимский, Тищенко, новосибирцы Иванов, Муров — ныне всех и перечислить трудно) сочиняют к ним музыку глубоко народную, говорящую не столько о знании фольклора,

сколько о глубоком его понимании и ощущении. В этом смысле в «Сибирских вечерах» особенно интересна четвертая часть («По Барабинским степям») с ее великолепным протяжным распевом.

Любопытны и части-сценки. В третьей («Дед»), например, ярко обрисован старик-ворчун, бранящий внучку-полуночницу и ее неутевого любезного, но когда все, казалось бы, кончилось, на смену комически-ворчливым фразам деда приходит страстный всплеск лирической мелодии, как воспоминание о минутах свидания. Пятая часть («Поминки») сначала может показаться натуралистической: в оркестре имитируется звон стаканов, стук ножей, а в хоре — полупьяный гомон гостей. Но вскоре понимаешь, что все это — лишь контрастный фон, главное же — женский образ с его глубокой печалью и глубокой верой в жизнь.

Произведение Г. Иванова интересно и по замыслу и по средствам воплощения его. Применив несколько необычный состав оркестра, введя в него балалайки и баян, композитор как бы сливает воеди-

но две сферы инструментальной музыки — классическую и народную, открывает в их слиянии новые выразительные возможности.

Найдут ли «Сибирские вечера» путь к слушательской аудитории? Это зависит во многом от того, как они будут исполнены. К сожалению, первый опыт нельзя признать удачным. Интересный режиссерский замысел (режиссер К. Долгин) потонул в море мелких и крупных неурядиц и промахов. Основным злом оказалась неудавшаяся попытка синхронизировать фонограмму с видеозаписью, делавшейся позднее. Исполнители — камерный хор, руководимый Б. Певзнером, симфоническо-народный ансамбль под управлением А. Капа, солисты оперы М. Аврорская, А. Левицкий — не были подготовлены к подобному эксперименту и производили на экране впечатлительные статистов, хотя и пытались «действовать» под собственную фонограмму.

Остается ждать, когда «Сибирские вечера» будут «разыграны» в концертном зале, в живом общении с аудиторией.

Я. ФАИН.